

А. В. Федоров. Введение в теорию перевода.—М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. 336 стр.

Несмотря на то, что прошло уже более десяти лет с тех пор, как перевод стал самостоятельным предметом вузовского преподавания, у нас еще нет разработанной теории перевода, а практические пособия по этой дисциплине насчитываются единицами и носят узкий характер¹. Больше того, под сомнение ставится иногда правомерность самого существования науки перевода: в 1952 г. на страницах журнала «Иностранные языки в школе» можно было прочитать, что «практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может»².

Книга А. В. Федорова «Введение в теорию перевода», принятая Министерством культуры в качестве учебника для институтов иностранных языков, — опыт обоснования именно «науки о переводе», общей теории перевода.

«Теория перевода, как специальная отрасль филологической науки, является дисциплиной лингвистической прежде всего» (стр. 14)³ — таково исходное положение А. В. Федорова. Оно уточняется: «... в ряде случаев она (теория перевода.— Н. Ф.) весьма близко соприкасается с литературоведением — историей и теорией литературы... и с историей тех народов, языки которых она затрагивает. Советская теория перевода опирается на философию диалектического материализма, в свете которой только и может быть правильно решен вопрос об отношении языка к мышлению. Но тесная связь теории перевода с этими науками не меняет ее специфики, как дисциплины лингвистической» (там же). И дальше: «В системе лингвистических наук теория перевода связана, с одной стороны, с общим языкознанием... с другой же стороны, — с лексикологией, теоретической и практической грамматикой, стилистикой, историей отдельных конкретных языков..., откуда она черпает и факты и выводы, касающиеся тех особенностей строя данных языков, о соответствиях которых в другом языке идет речь при переводе. Спецификой теории перевода, в отличие от названных лингвистических дисциплин, является: 1) постоянное соотношение фактов и целых комплексов фактов в плоскости двух языков, двуязычный характер исследования и 2) комплексный подход к явлениям языка, взятым в их взаимодействие» (стр. 17).

Эти положения, являющиеся основными для автора рецензируемой книги, представляются нам правильными как теоретические основы перевода любого типа, независимо от жанровых особенностей переводимого материала, другими словами — как обоснование того, что является технологией перевода.

Подход к переводу прежде всего со стороны лингвистической обосновывается тем, что вопрос о возможности языкового «перевыражения», т. е. о переводимости, представляет собой «принципиальнейший вопрос всей теории перевода», как справедливо оценивает его А. В. Федоров, а этот вопрос не может быть разрешен без участия лингвистики. Всестороннему обоснованию положительного разрешения вопроса переводимости в книге посвящается специальная глава. В ней дается такое определение понятия верного перевода: «Полноценность перевода означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» (стр. 114). Следует, однако, сказать, что если бы эта формулировка не наполнялась в последующих главах конкретным содержанием, она пополнилась бы в воздухе: к точности, к верности стремились переводчики всех времен и народов, но менялось содержание этих понятий, менялось представление о соотношении содержания и формы, мысли и ее языкового выражения. Различные взгляды на перевод характеризуются в трех главах книги: во второй главе — в очерке истории вопроса, в третьей — в анализе высказываний о переводе и некоторых переводческих приемах классиков марксизма, в четвертой — в обзоре вопроса о переводе в советской литературе. Материал этих глав убедительно показывает, что свое конкретное содержание такие понятия, как «верность», «точность» перевода и т. п., приобретают только тогда, когда выяснено, как понимается соотношение между «смыслом», «выражением» и языком, между содержанием и формой и при этом что именно понимается под формой. Именно лингвистика призвана научно определить, что

¹ Таковы: А. В. Федоров, Теория и практика перевода немецкой научной и технической литературы на русский язык, М., Гос. центр. ин-т заоч. обучения языкам, 1937—1941; М. Морозов, Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский, М., Гос. центр. ин-т заоч. обучения языкам, 1932—1941; Л. Н. Соколов, Пособие по переводу с русского языка на французский, М., 1952. В области научно-теоретической следует отметить ряд статей по отдельным вопросам в сб. «Вопросы теории и методики учебного перевода», М., Изд-во АПН РСФСР, 1950 (далее всюду принимаем сокращение: сб. «Теория и методика»).

² А. А. Реформатский, Лингвистические вопросы перевода, «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 6, стр. 12.

³ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы рецензируемой работы А. В. Федорова.

составляет индивидуальную форму текста, неразрывно слитую с его содержанием, и что относится к языковому материалу, несущему общий характер. О таком первом понимании вопроса А. В. Федоровым говорит вышеприведенная его формулировка о функционально-стилистических соответствиях подлиннику как об обязательном признаке полноценного перевода (см. об этом также на стр. 48).

Определяя конкретное содержание теории перевода как лингвистической дисциплины, А. В. Федоров выдвигает положение о том, что общая теория перевода, «задачей которой является обобщение и систематизация выводов из наблюдений над частными конкретными фактами перевода и установление закономерностей, существующих в соотношении между различными языками и важных для переводческой работы» (стр. 16), предполагает существование и частных теорий перевода с одного определенного языка на другой. Нам кажется, что это не вполне верно. Общая теория перевода имеет определенный круг проблем, но то, что А. В. Федоров понимает под «частной теорией», может представлять собой только конкретизацию положений общей теории в плане соотношений двух определенных языков, а такая конкретизация сама по себе не превращает общей теории в самостоятельную частную. Сравнение с соотношением общего языкознания и грамматик отдельных языков здесь вряд ли уместно — проблемы общего языкознания не совпадают с проблемами грамматик, фонетики и т. д. отдельных языков. В связи с наличием особой проблематики, как языковой (главным образом, в плане стилистики), так и литературоведческой, «частной теории» перевода может считаться теория перевода художественной литературы.

Содержание общей теории перевода А. В. Федоров определяет так: «а) изучение общих задач и условий работы над языком перевода в связи с требованиями, которые к переводу ставят язык, как средство общения... и его общепринятая норма — независимо от жанровых особенностей переводимого материала, индивидуального стиля автора и т. п.; б) изучение задач и условий перевода в связи с жанровыми особенностями материала», а также «выявление общих принципов, по которым передается система выразительных средств индивидуального стиля писателя» и, наконец, разработка «принципов анализа отдельного перевода» (стр. 17).

Заметим, что в этой программе упущены вопросы, некоторые из которых А. В. Федоров сам рассматривает в своей книге, например, вопрос о переводимости. В частности, общая теория перевода не должна обходить вопроса о дословном переводе. К сожалению, А. В. Федоров не остановился на определении этого понятия (которое, конечно, нельзя смешивать с «дословностью» в литературном переводе). Дословный перевод, как особый вид перевода, на правах вспомогательного приема применяется в педагогической практике, он встречается в научных работах по грамматике, практически применяется иногда в процессе перевода специальных текстов⁴. Наконец, непосредственно с дословным переводом связан вопрос о характере подстрочного перевода художественного, в частности, поэтического текста (впрочем, поскольку такой перевод имеет ближайшее отношение к литературоведению, постольку его скорее следует рассматривать в пределах теории перевода художественной литературы).

Следовало бы также выделить как отдельную тему вопрос о видах переводных соответствий. В разделе «Обще-лексикологические вопросы перевода» А. В. Федоров говорит только о синонимах, понимая их в духе определения Б. В. Томашевского (стр. 134—135). Но такое понимание лишает термин «синоним» всякого лингвистического смысла. Теория перевода должна создавать свои термины, а не искажать значение терминов, относящихся к другим областям лингвистики. В статях по теории перевода выдвигались специальные переводческие термины — «эквивалент», «субститут», «адекватная замена», «компенсация» и т. п.⁵, более точные в смысле функций в переводе и более емкие, чем «синоним», так как они могут быть распространены на элементы и

⁴ Определение дословного перевода в противопоставлении, с одной стороны, литературному, с другой — пословному (буквальному) содержится в статье И. В. Карпова «Психологическая характеристика процесса понимания и перевода учащими иностранных текстов», сб. «Теория и методика», стр. 60.

⁵ Этому вопросу посвящена в сб. «Теория и методика» статья Я. И. Ренкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык». Автор различает не два вида соответствий, в свое время выдвинутых А. А. Смирновым, — «эквивалент» и «субститут» (см. ст. «Перевод» в VIII т. «Литературной энциклопедии», стр. 527), а три: «эквиваленты», «аналоги» и «адекватные замены». Это деление, вернее, сами эти термины кажутся нам не совсем удачными. Уместнее было бы и по существу и для более отчетливого противопоставления третьей категории первым двум определить их как «эквиваленты постоянные» (фиксированные, стабильные) и «эквиваленты непостоянные» (контекстные, окказиональные), с одной стороны, и «замены» — с другой. Намеченное в этой статье подразделение «адекватных замен» на отдельные типы если и не вполне убедительно, то во всяком случае очень интересно и открывает перед теорией перевода одно из важных направлений дальнейшей работы.

лексики, и грамматики, и стиля, т. е. опираются на «комплексный подход к явлениям языка», на что как на специфику теории перевода указал сам А. В. Федоров.

Надо отметить в рецензируемой книге вполне правильное выдвигание — в качестве особой задачи — разработки принципов анализа отдельного перевода. Важность научного обоснования принципов этого анализа уже отмечалась раньше: «Разнообразие приемов и средств (перевода. — Н. Ф.) показывает, как важно уметь произвести анализ закономерных соответствий в выражении одной и той же мысли на разных языках для переводчика, который хочет понять не только то, как нужно переводить, но и почему так нужно переводить. Если переводчик-практик, привыкший полагаться на свою интуицию, еще может уклониться от ответа на второй вопрос, то вряд ли это уместно для преподавателя перевода в вузе или для студента старшего курса, овладевающего теорией и практикой перевода»⁶. А. В. Федоров не столько формулирует отвлеченно принципы такого анализа, сколько показывает многочисленные его образцы. Особый интерес представляет вдумчивый анализ отрывков сделанного под редакцией В. И. Ленина перевода произведений К. Маркса (стр. 241—246). Нельзя не заметить, что был бы очень интересен и анализ переводческих вариантов, которые автор, однако, приводит крайне скупо.

Вопросы изучения общих задач и условий работы над языком перевода А. В. Федоров рассматривает в двух разделах главы седьмой: 1) «Обще-лексикологические вопросы перевода» (стр. 120—158); 2) «Грамматические вопросы перевода» (стр. 158—195). Это представляется нам вполне оправданным.

Разрешение задач, которые вытекают из особенностей самого языкового материала, составляет собственно технику переводческого дела. Конечно, переводческая работа — это поиски средств выражения и сознательный отбор этих средств. Как пишет А. В. Федоров, «эти поиски и этот выбор имеют в любом случае творческий характер. Перевод же художественной литературы и литературы общественно-политической, а также научных произведений, отличающихся выразительностью языка, является искусством и требует литературного дарования» (стр. 12). Это значит, что в переводе, как и во всяком другом искусстве, техника должна быть подчинена творческим целям; но это не значит, что техники нет.

О существовании технической стороны во всяком переводе, в том числе и в художественном, у нас часто забывают. Так, далекий от лингвистики человек может думать, что, например, буквальная передача идьомы свидетельствует то ли о неправильной «теории» перевода, о формализме, то ли, наоборот, о похвальной точности, тогда как это просто языковая ошибка, т. е. техническая недоброкачественность перевода.

Начинающие переводчики, в частности учащиеся, как правило, не владеют техникой перевода. В сборнике «Теория и методика» на это обстоятельство с поразительным единодушием указывают чуть ли не все авторы⁷, и автор данной рецензии, на основании своего многолетнего опыта преподавания в вузе японского языка, вполне к ним присоединяется. Перевод требует определенного технического умения, которому надо обучать, и это обучение немислимо без прочной лингвистической основы. Поэтому необходимо создание специальных систематических руководств по переводу с одного конкретного языка на другой. Такие руководства должны носить практический характер (в частности, должны включать раздел, касающийся понимания переводимого материала⁸), но они должны быть построены на научной основе, т. е. на базе общей теории перевода.

Что является общей причиной технической трудности перевода для начинающих переводчиков? То, что Б. А. Грифцов удачно определил как представление о «статическом параллелизме двух разных языков»⁹. Об этом пишут и авторы упомянутого сборника: «Учащиеся очень боятся „неточности“ в переводе и стараются втиснуть родной язык в грамматические нормы чужого языка. Переводить имя существительное с предлогом русским прилагательным (table de bois — деревянный стол...), глагол — отглагольным именем существительным и наоборот — кажется учащимся недопустимой вольностью, не говоря уже о порядке слов, который они свято стараются сохранить»¹⁰.

⁶ Я. И. Рецкер, указ. соч., стр. 183.

⁷ См. сб. «Теория и методика», стр. 64, 121, 142, 184, 198, 209.

⁸ О необходимости этого говорит ряд авторов сб. «Теория и методика», например Р. Ю. Барсуку в статье «Перевод с иностранного языка на родной как специальная дисциплина в языковых педагогических вузах» (в частности, на стр. 212). Интересно отметить, что Б. А. Грифцов — опытный редактор, много лет работавший с начинающими переводчиками, задумал свою, к сожалению неоконченную, книгу «Мастерская литературного перевода» именно в таком плане.

⁹ Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 5, стр. 88.

¹⁰ И. К. Дыбовская, Из опыта преподавания французско-русского перевода в языковом вузе, сб. «Теория и методика», стр. 202.

Этот «наивный буквализм», пережитки которого держатся у некоторых переводчиков довольно долго, должен быть преодолен прежде всего в теории — лингвистически, установлением тех требований к переводу, которые вытекают из наличия у каждого из двух сопоставляемых языков своей лексики и своего грамматического строя. Вполне правильно, что в книге по общей теории перевода, предназначенной служить учебным пособием, вопросы сопоставления двух языков рассматриваются по этим двум линиям, и не только чисто теоретически, но и с привлечением большого, удачно подобранного иллюстративного материала, непосредственно подводящего к практике перевода.

В разделе «Обще-лексикологические вопросы перевода» А. В. Федоров исходит из положения, что «именно контекст... играет решающую роль при передаче значения иноязычных слов» (стр. 122), причем, как следует из дальнейшего изложения, контекст понимается двояко: контекст подлинника, определяющий понимание значения слова, его стилистическую окраску и выразительную функцию, и контекст создающегося перевода, ограничивающий возможность применения того или другого слова в переводе в силу наличия в каждом языке особых законов фразеологической сочетаемости. Словом нужно переводить в контексте, и всякое слово можно перевести в контексте — эти два положения определяют состав данного раздела книги. Первое развернуто в подразделах главы седьмой — «Понятие синонима в переводе» (стр. 129—135) и «Перевод фразеологических сочетаний» (стр. 153—158). Второе обусловило особое внимание к приемам перевода слов, не имеющих прямых соответствий в языке перевода, — терминов и слов, обозначающих специфические реалии (т. е. таких, обозначение которых отсутствует в языке, на который делается перевод).

В разделе «Грамматические вопросы перевода» основными являются следующие положения: «Перевод точный в формально-грамматическом отношении часто бывает невозможен вообще из-за отсутствия соответствий; часто он не отвечает норме словосочетания и требованиям литературности данного языка, а в ряде случаев он стилистически невозможен» (стр. 163). Однако: «1) Несоответствия в грамматике двух языков и вытекающая из них невозможность формально точно передать значение той или иной грамматической формы постоянно компенсируется с помощью других грамматических средств или же средств словарных... 2) Решающую роль играют здесь, с одной стороны, *требования содержания* в его органическом единстве с элементами формы, смысловая роль которых определяется по связи с содержанием и направляет выбор переводческих средств, с другой — *требования языка, на который делается перевод*. 3) Невозможность в ряде случаев решить вне более широкого контекста вопрос о средствах передачи означает необходимость все время иметь в виду с *системы языковых средств*, а не разрозненные или случайно выделенные элементы» (стр. 195; курсив мой. — Н. Ф.). Мы позволили себе эту длинную выписку, потому что вопрос о роли грамматики сформулирован здесь принципиально правильно, хотя решается он, как будет показано ниже, недостаточно глубоко и несколько односторонне.

В свете этих общих положений рассматриваются два случая расхождений: первый — «когда в языке подлинника встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода», второй — «когда в языке перевода имеются элементы, «не имеющие формального соответствия в языке подлинника, а между тем неизбежно применяемые при переводах» (стр. 165). Тот и другой рассмотрены на нескольких типичных примерах, на материале, с одной стороны, романских и германских, с другой — русского языка. Заметим, кстати, что содержание второго пункта шире его наименования, и это хорошо: здесь речь идет не только о таких элементах в языке перевода, которые, не имея формально-грамматического соответствия в языке подлинника, тем не менее обязательно применяются (пример — видовая форма русского глагола), но и о таких, которые могут и не применяться (пример — русские уменьшительные суффиксы при переводе с английского или французского). О таких именно элементах неопытный переводчик часто забывает или не решает их применять, и это обедняет язык перевода.

Не выделено — как особый, третий случай — наличие в языке подлинника и перевода формально одинаковых грамматических элементов, различающихся в определенных контекстах по смысловым и стилистическим функциям, хотя А. В. Федоров сам же на это указывает (на стр. 162 и др.) и фактически касается этого случая в специальном параграфе, посвященном сравнительному рассмотрению функций причастных форм, с одной стороны — в русском языке, с другой — в романских и германских языках. Между тем систематическое рассмотрение таких случаев особенно наглядно иллюстрировало бы ошибочность представления о «статическом параллелизме» языков в области грамматики.

В целом надо подчеркнуть, что материал этого раздела анализируется в большинстве случаев правильно. Приведем один пример. Рассматривая случай применения суффиксов уменьшительных и субъективной оценки при переводе на русский язык, А. В. Федоров приходит к выводу, что здесь «нет и не может»

быть стандарта. Если при одних условиях они закономерно используются там, где в подлиннике ничего формально соответствующего им нет, то при других данных они в переводе оказываются неуместными даже при наличии формального основания в иноязычном тексте» (стр. 184)¹¹. При этом автор показывает, что ключ — в смысловых и стилистических данных целого абзаца или даже всего текста.

Однако общее изложение и в особенности лексикологический раздел рассматриваемой седьмой главы вызывают некоторые возражения. Основной теоретической задачей раздела грамматики в теории перевода является показ того, что по отношению к выражению вещественного и логического содержания мысли (а также ее экспрессивного содержания) формально одинаковые грамматические средства могут быть неравноценны, а формально различные — равноценны и что то, что в одних языках выражается грамматическими средствами, в других может быть выражено лексически. Этим доказывается, что своеобразие грамматических форм одного языка в сравнении с грамматическими формами другого не является препятствием к переводимости. Отсюда следует, что грамматические формы — как синтаксические, так и морфологические — не могут являться объектом перевода сами по себе. В переводе выражается только значение, которое они имеют в структуре предложения подлинника. Получается ли при этом формально-грамматическое совпадение или не получается, не имеет значения для полноценности (верности) перевода.

Подчеркиваем, что эти положения прямо вытекают из приведенных выше формулировок А. В. Федорова, в частности, из той, которую он дает под цифрой 2 (цитирована выше). Только ей бы следовало быть, так сказать, положением номер 1. Тогда не оказался бы в тупик вопрос о формально одинаковых, но функционально различных формах, теоретически не менее важный, чем обратный случай. Тогда рассмотрение грамматических вопросов не велось бы под углом зрения возможности или невозможности «формально точно передать значение той или иной грамматической формы», о чем мы читаем в пункте 1. Кстати, такая формулировка внутренне противоречива: выражение «формальная точность» приложимо только к передаче формы, а в применении к значению «точность» может обозначать только верную передачу значения, т. е. по существу то, что единственно и необходимо в переводе.

В то же время нельзя не признать, что аспект, в котором излагаются грамматические вопросы в книге А. В. Федорова, имеет свои основания. Во-первых, вся книга направлена на то, чтобы доказать правильность положительного решения вопроса о переводимости; ее даже в известном смысле можно считать раскрытием этого тезиса. Этот тезис правилен, и всякое доказательство его ценно. Но будучи положен в основу книги, он повлек за собою несколько суженную постановку некоторых вопросов теории перевода. Внимание автора устремлено на те явления, которые могут подать повод говорить о непереводимости, тогда как теория перевода должна в равной мере интересоваться и переводом того, что не вызывает таких сомнений. Во-вторых, автор, не упуская из вида практических задач, с особенным вниманием относится к техническим трудностям перевода. Но дело в том, что когда речь идет о переводе с языка, близкого по структуре, трудности эти в одном отношении ограничены. Это целиком относится к рецензируемой книге, построенной на материале романских и германских языков сопоставительно с русским.

А. В. Федоров пишет, что «такое ограничение представляется все же допустимым, потому что сопоставление языков односистемных служит как бы первой ступенью в исследовании сложного вопроса о соотношении между языками во всем их многообразии с точки зрения возможностей перевода» (стр. 4). Действительно, в данный момент еще нет возможности строить теорию перевода на более широкой основе, поскольку пока нет никаких работ по обобщению опыта перевода с языков других систем, например, с тюркских языков национальностей СССР, с кавказских языков, с венгерского, с китайского, с японского и т. п. Но близкое структурное сходство сравниваемых А. В. Федоровым языков несколько затемняет вопрос о роли грамматики в переводе. Формальные совпадения в структуре предложения в подлиннике и в переводе, являющиеся, конечно, результатом правильной передачи соотношения компонентов по смыслу и по стилю, столь часты, что создается обманчивое представление, будто формально передаются грамматические элементы сами по себе и будто трудность возникает лишь тогда, когда таким формальным соответствием воспользоваться нельзя. Эта своего рода аберрация, вряд ли осознанная, свойственна многим педагогам. Например, Я. И. Рецкер в применении к переводу с этих языков дает такую формулировку: «Изменение синтаксической конструкции при переводе должно быть оправдано семантически и стилистически»¹². Безусловно, автор не хочет сказать, что сохранение конструкции такого оправдания не требует — это ясно из его статьи, — однако непосредственно из этой формулировки такой вывод может быть сделан. Вот именно под углом зрения

¹¹ Непонятно, почему этот принципиальный и практически важный вывод издательство сочло нужным набрать петитом.

¹² Я. И. Рецкер, указ. соч., стр. 167.

«оправдания изменений» и ведет изложение А. В. Федоров. Однако теоретически общее положение должно быть сформулировано иначе: как изменение, так и сохранение синтаксической конструкции (и любой другой грамматической формы) должно быть оправдано семантически и стилистически. Практически для перевода с близкого по строю языка важнее первый момент, т. е. оправдание изменений, для перевода с языка, далекого по строю, — второй, т. е. обоснование сохранения; но теоретически и правильно по отношению к любым двум языкам все это положение в целом.

Возвращаясь к содержанию этого подраздела, отметим, что А. В. Федоров несколько упускает из внимания грамматическое целое — предложение. Это сказывается в том, что не выделено значение синтаксической структуры, не раскрыта на конкретных примерах равнозначность или разнозначность синтаксических конструкций в сопоставляемых языках, в частности, не показаны приемы передачи сложного предложения. Обо всем этом говорится только в последующих главах, при анализе текстов определенных жанров. Оставив в стороне вопрос о переводе предложения как грамматического целого, автор упустил из вида вопрос о передаче логического содержания мысли. Общеизвестно, что одно и то же вещественное содержание предложения может сочетаться с различным логическим смыслом. Понять вещественное содержание предложения, например простейшего: *Птицы в кустах поют*, еще не значит осознать предмет мысли, выражаемой этим предложением, т. е. двучленная ли это фраза (по терминологии Л. В. Щербы), где предмет мысли либо «птицы», либо тот факт, что кто-то «поет», или одночленная фраза, где предмет мысли — «птичье пение в кустах» в целом. В разделе теории перевода, посвященном грамматическим вопросам, следует указать, что логическим содержанием определяются чисто грамматические моменты, в разных языках разные (в одних языках порядок слов, в других, где порядок слов стабильный, применение специальных частиц и т. п.), и что из этого вытекают определенные следствия для перевода. Невнимание к вопросу логического содержания отрицательно сказалось у А. В. Федорова, в частности, на анализе передачи функций артикля. А невнимание это объясняется тем, что А. В. Федоров вообще не раскрыл конкретно понятие «содержание» в переводе. К этому мы еще вернемся ниже. Таким образом, следовало бы углубить исходные положения грамматического раздела книги и расширить его содержание. Особо следовало бы выделить вопрос о стилистической функции грамматических форм.

По линии лексикологии задачей теории перевода является следующее: рассмотреть свойства слова и характер словаря сопоставляемых языков, установить линии схождения и расхождения в том и другом и показать, какие последствия вытекают из этого для перевода непосредственно. Предвосхищая вывод, можно сказать, что теория перевода должна объяснить, почему невозможно, чтобы каждое слово одного языка имело полный и постоянный эквивалент в виде слова любого другого языка.

Одним из важнейших моментов неполной эквивалентности является несопадение способности к сочетаемости с другими словами у равнозначных слов в разных языках. «Отступления от словарной точности, даже если она возможна по отношению к каждой из лексических единиц оригинала, взятых в отдельности... бывают вызваны... фразеологическими требованиями (нормой словосочетания) в языке перевода» (стр. 157). Этому явлению в книге А. В. Федорова уделено большое внимание — и в отдельном параграфе «Перевод фразеологических сочетаний» (одном из лучших в книге), и во многих других местах при анализе примеров.

Но А. В. Федоров поступил неправильно, включив этот параграф в подраздел «Передача фразеологических явлений». Явления сочетаемости слов в языке не относятся к области собственно фразеологии. Эти явления своеобразны в каждом языке. И поскольку теория перевода занимается переводом текста, а не изолированного слова, из одного этого вышеприведенного положения следует, что переводить слово, выхватывая его из словосочетания, — бесполезно: надо переводить словосочетание или предложение в целом. Такая формулировка прямо вытекает из всего, что А. В. Федоров говорит о переводе слова с учетом контекста.

Заметим кстати, что в речи даже как будто изолированное слово, например, предложение, состоящее из одного слова, заглавие в тексте, все равно имеет контекст: для предложения это — в устной речи — ситуация, в тексте — соседние предложения, для заглавия — все произведение. Даже в каталогах, преysкурантах¹³ и т. п. слова, обозначающие перечисляемые товары, предметы и т. п., имеют своего рода контекст — это сам каталог или преysкурant: он обуславливает понимание этих слов в их прямом предметном значении. Подлинно изолированное слово существует только в словаре; поэтому вопрос о переводе изолированного слова входит в теорию лексикографии.

¹³ Ср. у Л. Н. Соболева: «Но ведь переводить слова вне контекста приходится разве что переводчику преysкурantов» (Л. Н. Соболев, О мере точности в переводе, сб. «Теория и методика», стр. 142).

Точно формулировать, что единицей перевода является не слово, а предложение, необходимо для того, чтобы не возникло неправильного представления, будто перевод предложения складывается из перевода слов, пусть и с учетом контекста. На самом деле имеет место обратное: перевод отдельного слова можно только выделить из перевода целого. В книге А. В. Федорова это недостаточно подчеркнуто: вопросы перевода слова и словосочетания здесь разведены; в подразделе «Понятие синонима в переводе» рассматриваются почти исключительно существительные, причем в таких примерах, где они являются одним из самостоятельных смысловых стержней предложения и требуют перевода существительным же; однако ни то, ни другое даже для существительных отнюдь не является правилом. Но и в этих примерах нередко речь фактически идет о переводе словосочетания [например, говоря о разных переводах слова *maître*, автор выделяет в разрядку «владыка судьбы своей», т. е. перевод словосочетания в целом: *le maître de son sort* (стр. 128)].

Неоправданно мало внимания уделено в книге разным типам фразеологических единиц, а именно устойчивым сочетаниям, в которых семантическая самостоятельность либо одного из компонентов, либо всех его составляющих в большей или меньшей степени ослаблена, что влечет за собой определенные следствия для перевода. Эти следствия различны в зависимости от типа переводимого сочетания. Каковы же эти типы? В пределах одного языка к фразеологическим единицам можно подходить по-разному. А. В. Федоров частично принял деление В. В. Виноградова, основанное на признаке мотивированности значения сочетания. Это вызывает двойное возражение. Во-первых, А. В. Федоров употребляет термин «фразеологические сочетания» совсем не в том смысле, который он имеет у В. В. Виноградова, т. е. не в значении «групп, образуемых реализацией так называемых несвободных значений слов»¹⁴. А. В. Федоров рассматривает в соответствующем разделе словосочетания, свободные в языке подлинника, но не переводимые дословно по форме словосочетания языка перевода. С таким применением этого термина никак нельзя согласиться: само по себе рассмотрение различной сочетаемости равнозначных слов в разных языках для теории перевода важно, но мы выше уже указывали, что это вопрос не фразеологии как таковой, а языка вообще. Во-вторых, признак мотивированности значения сочетаний, очень важный, когда сочетания рассматриваются в системе одного языка, с точки зрения перевода как раз наименее важен и потому не может служить основанием для деления явлений фразеологии (это, кстати сказать, один из примеров того, что к некоторым языковым явлениям в теории перевода и в других отраслях языкознания надо подходить по-разному): ведь дословный перевод и подлинной идиомы типа *ни к селу ни к городу*, и мотивированного образного выражения типа *поставить во главу угла* одинаково может привести к бессмыслице.

С точки зрения перевода важно следующее: во-первых, не имеет ли словосочетание словарного эквивалента в виде одного слова (например, русск. *летучая мышь*, англ. *bat*; франц. *bois à brûler*, русск. *дрова*); во-вторых, если такого эквивалента нет, сохраняет ли один из компонентов прямое значение? Если да, то его значение должно быть отражено в переводе. При этом, если один из компонентов семантически ослаблен, перевод может быть однословным: *pousser de cris* не обязательно переводить «испускать крики»; слово «вскирывать» или «кричать» передает лексическое значение слова *cris* и грамматическое — глагольность — слова *pousser*. Если же компонент, сохраняющий прямое значение, соединен с другим, примененным образно, то и этот второй должен быть отражен в переводе отдельно. Очень важно отличать такие устойчивые в языке образные выражения от индивидуальных образов писателя: первые не обязательно требуют образной передачи и во всяком случае должны быть переданы либо образом, столь же трафаретным, либо словами в прямом значении (например, нем. *seine Geduld risz* в русском языке соответствует и «терпение его лопнуло», и «он вышел из терпения», и «он потерял терпение», в зависимости от контекста). Второй способ в особенности применим для перевода таких выражений, в которых образность совершенно потускнела и которые благодаря этому перешли в стиль речи, лишенной экспрессивности, — научный, деловой. Таково, например, выражение *ставить во главу угла* — ходовая монета, на которой рисунок совершенно стерся. Наконец, существенную роль играет стилистическая окраска фразеологических единиц. Именно на этом основании А. В. Федоров объединил вопрос о переводе идиом в узком смысле, пословиц и поговорок. Перевод остальных типов устойчивых сочетаний в книге не рассмотрен.

Известно, что слово может не иметь словарного эквивалента в другом языке. А. В. Федоров учел это обстоятельство только по отношению к словам, обозначающим реалии общественной жизни и материального быта, и обстоятельно рассмотрел вопрос об их переводе в отдельном параграфе «Способы перевода слова, обозначающего специфические реалии» (стр. 139—147). Но есть и другой слой подобной лексики, на кото-

¹⁴ В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов» («Труды Комиссии по истории Академии наук СССР», вып. 3). М. — Л., 1947, стр. 363.

рый обратил внимание Л. Н. Соболев: «Особенно многочисленны „безэквивалентные“ слова в тех случаях, когда в лексике проявляется структурная разница двух языков»¹⁵; в качестве примера приведены русские глаголы *докричаться*, *допить*, *дополучить*, *заучиться*, *намушиться* и т. п. Всякий, кто работал над русско-иноязычным словарем, согласится с Л. Н. Соболевым, что найти словарный эквивалент для многих русских приставочных глаголов часто не удастся, однако передача их значений в контексте обычно вполне возможна. Самое выделение такой лексики, определение способов передачи значений соответствующих слов — непосредственные задачи теории перевода. Наконец, есть отдельные слова, точно не переводимые на другой язык (каким в свое время было английское *vulgar*, о котором применительно к определенному контексту Пушкин сказал: «Люблю я очень это слово, но не могу перевести»); выявление таких слов, хотя бы в плане сравнения трех-четырех языков, в особенности языков народов, имеющих разные культуры, — отдельная задача.

Стабильной эквивалентности двух слов разного языка препятствует их несовпадающая многозначность. А. В. Федоров на этом явлении останавливается (стр. 127—129) и затем подчеркивает необходимость в переводе выходить за пределы словарных соответствий двуязычных словарей путем продолжения даваемого ими синонимического ряда. Нам кажется, что уместно было бы в данном случае отметить и обратное, а именно: единственный случай стабильной эквивалентности — перевод термина (в одном его значении, если у него их несколько). Подчеркнутым вниманием А. В. Федорова к вопросу переводимости, повидимому, следует объяснить то, что он говорит только о переводе терминов, не имеющих словарных эквивалентов¹⁶. Следовало бы также коснуться распространенного ложного представления о якобы стабильной эквивалентности чужезычного слова и заимствованного слова другого языка (например, *regular* — «регулярный»), тогда как на деле эти слова по значению расходятся часто, а стилистически почти всегда¹⁷. Нужно было бы остановиться и на частном случае многозначности — наличии переносных значений, а также на образном употреблении — не индивидуально, а стандартном, вошедшем в язык, указав, что образное употребление однозначных слов в разных языках часто не совпадает. Впрочем все эти вопросы почти совершенно не изучены.

А. В. Федоров слишком коснулся вопроса о различной стилистической окраске равнозначных слов разных языков¹⁸, которая часто бывает причиной неполной их эквивалентности. Совсем не затронут вопрос о разной выразительности таких слов, в частности, слов, несущих в своем значении элементы качественного определения, благодаря чему они часто приобретают особую экспрессивность. Например, *вскочить* в приложении к человеку значит «быстро встать», однако это слово выразительней, чем словосочетание *быстро встать* и даже *очень быстро встать*. Еще выразительней слово *встрепенуться*; пожалуй, можно сказать, что оно скорей обозначает наглядное представление, чем логическое понятие. Явление различной выразительности слов, заложенной в самих их значениях, лингвистикой еще не изучено, но писателям хорошо известно. Конечно, различие в выразительности и стилистической окраске равнозначных слов имеет преимущественное значение для перевода художественной литературы, однако упомянуть об этом явлении в разделе, посвященном общелекسیкологическим вопросам перевода, необходимо: ведь это касается принципиального вопроса об ограниченности самого понятия «словарные эквиваленты».

Однако сказанном не исчерпываются все причины, по которым равнозначное слово может быть непригодно для перевода в тексте. Могут быть случаи, когда играет роль неподходящий фонетический облик эквивалента¹⁹; часто бывает нужно изменить

¹⁵ Л. Н. С о б о л е в, указ. соч., стр. 141.

¹⁶ О переводе терминов подробно говорится в другой главе, в разделе «Специальная научная литература» (стр. 222—231). Здесь (на стр. 229) упомянуто и о том, что термины в переводе «требуют однозначного раскрытия и не допускают синонимических вариаций», но сделано это попутно, при разборе текста.

¹⁷ Ср. Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, стр. 90; см. также стр. 87. И. А. К а ш к и н приводит подобные примеры (*pathetic* — всегда «патетический», *regular* — всегда «регулярный») как иллюстрацию «ложных принципов» перевода Диккенса (И. А. К а ш к и н, Ложный принцип и непримлемые результаты, «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 29 и 35). С нашей точки зрения это случай технического недоброкачества перевода. О «ложном принципе» здесь можно говорить только в смысле принципиального игнорирования лингвистики (так как в данном случае нельзя предположить у переводчика простого незнания языка).

¹⁸ См. стр. 123 и 126; об этом говорится и в разделе «Специфические вопросы перевода художественной литературы» в параграфе о переводе архаизмов, варваризмов и т. д., весьма неудачно названном «Роль лексической категории».

¹⁹ Об этом см.: Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, стр. 89—91 и А. Ф е д о р о в, О художественном переводе, Л., ГИХЛ, 1941, стр. 123—124.

«синтаксическую конструкцию, что влечет за собой применение слова другой морфологической категории и т. п. Такие случаи также требуют отдельного рассмотрения.

Итак, всестороннее рассмотрение линий расхождения равнозначных слов разных языков приводит нас к выводу, во-первых, об ограниченности понятия «равнозначности», во-вторых, об ограниченной пригодности для перевода равнозначных слов. В связи с этим мы считаем, что термин «синоним» для теории перевода вообще непригоден. Лексические соответствия, которые наблюдаются в переводе, подразделяются на два вида. Это либо эквиваленты, совпадающие со словарным эквивалентом или отступающие от него по линии расширения синонимического ряда словарных соответствий, либо же это прямые замены. Понятие «замена» — специфически переводческое и необходимо для того, чтобы не наполнять лингвистические термины, какими являются и «синоним» и, в известной мере, «словарный эквивалент», чуждым содержанием. Например, если в новелле Додэ «Регистратор» *bonhomme* переводится «старичок» (стр. 134), то это с языковой точки зрения должно быть расценено, как обозначение одного и того же явления действительности — в данном случае одного и того же человека — с помощью равнозначных слов (так же, как если бы одного и того же человека в трамвае называли *пассажир* и *молодой человек*), и к лингвистическому понятию синонимии это явление не имеет никакого отношения, хотя с точки зрения теории перевода вполне оправдано.

Перевод есть воспроизведение на другом языке мысли подлинника во всей полноте ее словарно-вещественного и логического содержания. Для того чтобы воспроизвести мысль, надо понять ее как целое, понять предмет мысли и осознать действительность, являющуюся ее объектом. «Трудность переводческого дела в том, что писатель видит вещи и затем их обозначает словом, переводчик же видит слова, за которыми обязан восстановить вещи»²⁰. Об этом писал также И. А. Кашкин: «При художественном переводе (но это положение надо распространить на любой перевод. — Н. Ф.), соблюдая всяческую точность, плодотворнее исходить все же... не из слов и форм, изображающих предмет или описывающих действие, а из самого предмета и действия, каким его видит автор и каким его должен представить себе переводчик»²¹. Вот это положение, — что перевод есть воспроизведение мысли подлинника, во всех отношениях адекватно подлиннику отображающее действительность, лежащую в основе этой мысли, — как нам кажется, является самым основным исходным положением теории перевода (имеющим, кстати сказать, ближайшее отношение к вопросу о переводимости).

«Замены» и вызываются тем, что ради адекватного подлиннику отображения действительности иногда бывает нужно идти на прямые лексические отступления от оригинала. Об этом А. В. Федоров говорит не раз при анализе примеров и даже в отдельном параграфе²²; однако автор не определил ни случаев необходимости этих «замен», ни их типов, а главное — не выявил их принципиального значения. О задаче адекватного подлиннику отображения действительности А. В. Федоров упоминает только по частным поводам — говоря о переводе обозначений таких реалий, которые мало известны переводчику или не имеют обозначения на языке перевода (стр. 136, 138, 145), или при анализе некоторых примеров (стр. 157). Между тем это — одно из основных положений теории перевода в целом.

Отсюда вытекает, что рассмотрение грамматических и лексикологических вопросов перевода, сосредоточивающее внимание на передаче значений отдельных форм и слов, представляет собой сугубое абстрагирование технических моментов перевода: реально технической единицей перевода является не слово в той или иной форме, а предложение (в контексте целого). А сама технология перевода должна быть подчинена задаче воссоздания мысли подлинника — воссоздания свободного, как свободно всякое выражение полностью осознанной мысли на родном языке, и в то же время связанного наличествующим в подлиннике единством содержания и формы. Диалектическое сочетание этой свободы и связанности выражения и представляет собой творческую трудность перевода.

Принцип подчинения частных целому и технологии — творческим задачам лежит в рецензируемой книге в основе разрешения вопроса о переводимости и рассмотрения лексикологических и грамматических моментов по отдельности. Сформулированные выше положения должны были бы определять этот раздел в целом как его основа и конечный вывод.

Вкратце рассмотрим вторую часть общей теории перевода — главу восьмую: «Разновидности перевода в зависимости от жанрового типа переводимого материала» (стр. 196—320). В эту главу входят следующие разделы: I. «Особенности перевода газетно-информационных, документальных и специальных научных текстов»; II. «Осо-

²⁰ Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, стр. 86.

²¹ И. А. Кашкин, указ. соч., стр. 29.

²² Под странным по отношению к содержанию заглавием: «Значение слова в сочетаниях с другими словами» (стр. 271—274; см. также стр. 116).

бенности перевода общественно-политической литературы, публицистики и ораторской речи»; III. «Специфические вопросы перевода художественной литературы».

Первые два раздела построены в порядке анализа типичных для текстов данных жанров образов перевода. А. В. Федоров не дает развернутой характеристики стилей, которая могла бы удовлетворить языковеда-теоретика, а ограничивается отдельными наблюдениями — указанием на преобладающие синтаксические конструкции, на особенности лексики, на характерные фразеологические единицы. Поскольку эти наблюдения являются результатом изучения большого материала, даются применительно к особенностям разных языков (немецкого, английского, французского, с одной стороны, русского — с другой) и раскрыты на содержательном анализе примеров, поэтому они интересны для практики перевода. Правильны и общие выводы: для первого раздела: «...Господствующей тенденцией в пределах этого вида материала является подчинение отдельных особенностей подлинника стилистической норме книжно-письменной речи, характерной для соответствующего жанра в языке, на который делается перевод» (стр. 231); для второго раздела: «Перевод ораторского подлинника, так же, как перевод научной прозы общественно-политического содержания и публицистики, предполагает, наряду с соблюдением определенных жанрово-стилистических условий, воспроизведение индивидуального своеобразия, связанного с творческой личностью автора» (стр. 255).

Нам кажется только, что в изложении следовало бы провести выдвинутую Л. Н. Соболевым мысль о различном критерии точности применительно к этим жанрам²³; А. В. Федоров упоминает об этой мысли, но не определяет своего отношения к ней. Вопрос о различном критерии точности непосредственно связан с вопросом о содержании в приложении к данному тексту. Мы имеем в виду не только общую характеристику содержания жанра, которую А. В. Федоров дает достаточно широко, а определение понятия «содержание» в плане перевода в узком смысле.

Выше уже отмечалось, что А. В. Федоров не раскрыл понятие «содержание», хотя он не раз упоминает о «неразрывном единстве содержания и формы» в переводе. Нам кажется, что именно это в соединении с узко лингвистическим подходом к материалу предопределило неудачу раздела о переводе художественной литературы. Термин «содержание» может относиться к вещественному и идейному — идейно-политическому, идейно-образному — смыслу целого. Здесь мы имеем в виду другое его значение. При переводе любого предложения передаче подлежит содержание словарно-вещественное и логическое. Кроме того, предложение (как и текст в целом, разумеется) может иметь содержание экспрессивное в широком смысле слова, т. е. воздействовать не только на мысль, но и на чувство и волю. Экспрессивность выражается различными стилистическими средствами (включая сюда и образность). Поэтому передача стилистических особенностей оригинала должна иметь целью не воспроизведение формы ради формы, а выражение адекватными средствами экспрессивного содержания подлинника.

Распределение текстов по группам определяется различным соотношением в них этих элементов содержания. Передача логического содержания обязательна для любого текста. Передача словарно-вещественного содержания во всей его полноте и во всех деталях требуется для текстов научных, документальных, деловых. Выполнение этого условия и определяет точность перевода. Для перевода художественной прозы положение иное: если передача вещественного содержания в деталях, выраженных отдельными словами, ослабляет экспрессивность (ясность и легкость или, наоборот, напротив, ее фразы, ее образность, эмоциональную наполненность и т. п.), то эти детали должны быть опущены или изменены. По тому, насколько гармонически сочетается в переводе передача вещественного содержания с экспрессивностью, и оценивается верность перевода художественного текста. Что касается третьей группы текстов, то она является смешанной. В нее входят и общественно-политические тексты, и научные тексты других отраслей постольку, поскольку текст в них окрашен экспрессивно; в научных работах, заостренных полемически, и в критических работах это совсем не редкость.

Мы считаем, что первым принципиальным недостатком раздела о переводе художественной литературы является то, что автор рассматривает вопросы стиля без учета усложнения самого содержания в указанном выше смысле. Вот, что имеется в виду. Предложение *Ишь как заливается, а? пичуги в кустах...* со стороны стилистической может быть охарактеризовано как предложение чисто разговорного стиля (инверсия с разрывом предложения, частицы, соответствующая лексика), и эти стилистические признаки могут стать объектом передачи на другой язык. Но нельзя упускать из вида, что в этом предложении, по сравнению с вещественно однозначным предложением *Птицы в кустах поют*, усложнилась не только форма, но и содержание: если это второе предложение представляет простую констатацию явления, то первое выражает еще и эмоцию — восхищение, причем с интонацией, которая побуждает к реакции собесед-

²³ Л. Н. Соболев, указ. соч., стр. 141—155.

ника. Само усложнение формы и понадобилось для выражения дополнительного содержания. Передача этого содержания сама потребует в переводе соответствующих стилистических средств. Под этим углом зрения и надо подходить к вопросу передачи стилистических особенностей оригинала.

Вторым принципиальным недостатком раздела о переводе художественной литературы следует признать то, что А. В. Федоров подходит к своему материалу со стороны «лингво-стилистической», а не литературной²⁴. Мы уже говорили, что теория перевода художественных текстов потому-то и может быть названа «частной», что у нее есть своя проблематика. Поскольку художественная литература — искусство, постольку центральным для теории ее перевода является вопрос о возможностях передачи средствами другого языка специфических выразительных средств литературы как искусства. Теория перевода художественной литературы должна прежде всего рассмотреть возможности передачи образа — метафоры, сравнения, эпитета и образа как совокупности приемов. Она должна разработать вопрос о передаче речевой характеристики персонажей, а в связи с этим и диалогической речи, о сохранении в переводе экспрессивной наполненности большого отрезка текста и многое другое. При этом она должна оценивать те или иные языковые особенности оригинала в соответствии с литературной и художественной характеристикой его. Под таким углом зрения найдет себе место и то, о чем говорит А. В. Федоров в разделе «Значение языковой природы художественного образа в литературе». Но нельзя же теорию перевода художественной литературы начинать с вопроса об использовании в образе грамматической категории рода. Нельзя вопрос о передаче образа, не имеющего специфических для какого-либо языка грамматических особенностей выражения (случай самый обычный), ставить на третье место между параграфом об архаизмах, варваризмах и профессионализмах и параграфом об игре слов и, зашифровав его под «лингвистическим» заглавием «Значение слова в сочетании с другими словами», рассматривать не с точки зрения художественной, а с точки зрения лексико-фразеологических закономерностей языка. Короче говоря, нельзя забывать, что художественная литература — искусство.

Удачнее главы о сохранении национальной окраски, о задачах перевода художественных текстов прежних эпох, о передаче индивидуального своеобразие подлинника. Удачнее эти главы потому, что фактически в них сказывается и литературоведческий подход, без чего и немисливо рассматривать поставленные проблемы.

«Приложение» посвящено вопросу о передаче различных метрических размеров; оно содержательно по материалу, который вдумчиво проанализирован. Но название этого приложения «Основные понятия, связанные с переводом стихов» нужно признать крайне неудачным: ведь общеизвестно, что проблематика поэтического перевода не ограничивается вопросами передачи метрического размера как такового, что не меньшее, а большее значение имеют вопросы передачи идейно-образного содержания, экспрессивно-интонационной характеристики, ритмико-мелодического рисунка. Еще раз повторяем, что с нашей точки зрения вопросы художественного и, в частности, поэтического перевода в общую теорию перевода входить не должны.

В целом книга А. В. Федорова представляет серьезный научный интерес. Это уже четвертая книга, которую А. В. Федоров посвящает проблемам перевода, и мы видим, как на протяжении двадцати с лишним лет автор работает над ними, развивает свои взгляды, углубляет анализ материала, исправляет свои ошибки. Мы надеемся, что А. В. Федоров примет во внимание и высказанные здесь замечания и пожелания.

Н. И. Фельдман

²⁴ В своем увлечении «лингво-стилистическими» характеристиками А. В. Федоров пишет по поводу традиционного деления текстов на указанные выше три группы: «Критерий такой классификации — явно стилистический (в широком смысле слова): это учет роли, выполняемой той или иной категорией языковых средств... в связи с общим характером содержания, которое выражается жанром» (стр. 198). Подойдя непосредственно к вопросу о переводе художественной литературы, А. В. Федоров исправил это неудачное определение, указав, что «специфика вопроса о переводе художественной литературы определяется... не разнообразием речевых стилей, представленных в ней, не пестротой их сочетаний и даже не множественностью лексических и грамматических элементов, подлежащих передаче... Все это — скорее количественные, чем качественные показатели сложности проблемы... Качественное же отличие... зависит от того, что «художественная литература есть искусство» (стр. 259).